

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

Археология, история, искусство, культура
России и сопредельных стран

ТОМ I

*80-летию со дня рождения
Анатолия Николаевича Кирпичникова
посвящается*

Санкт-Петербург – Москва • 2009

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИМПОРТЫ С ТЕРРИТОРИИ ПОЙМЕННОЙ ЧАСТИ ГНЕЗДОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Для варварского мира X–XI вв. Византия была, безусловно, одним из главных центров притяжения. Она была самой культурной страной Европы и Ближнего Востока, красота и мощь Константинополя действовали неотразимо на каждого иноземца. Великолепие построек, роскошь одеяний, удивительные яства возбуждали, безусловно, желание обладать всем этим богатством. Северную варварскую периферию с Византией, центром цивилизации, соединял Волхово-Днепровский речной путь — «путь из варяг в греки...». По мнению историков, активные торговые и политические связи Руси с Константинополем и Херсонесом сложились уже во второй половине — конце IX в. (Литаврин 1999: 421–429), при этом, по версии Г. Г. Литаврина, только в Константинополь с торговыми караванами в год прибывало не менее 1000 русов (Литаврин 1999: 458, 464).

Парадоксально, но при столь, казалось бы, интенсивных и хорошо зафиксированных в письменных источниках связях, археологические свидетельства русско-византийских связей, довольно скудны. Цель статьи — анализ находок «византийского» происхождения из раскопок хорошо стратифицированного культурного слоя в пойменной

части поселения Гнездовского археологического комплекса, расположенного в верховьях Днепра и являвшегося одним из узловых пунктов на трансъевропейском пути «из варяг в греки».

В течение полевых сезонов 1999–2008 гг. на территории пойменной части Гнездовского поселения исследовано четыре участка, игравших различную роль в системе исторической топографии Гнездова:

– «Притеррасный» участок, расположенный на границе пойменной части и террасы (раскоп П-2). На участке были зафиксированы остатки жилых построек, возведенных в начале XI в. (Мурашева, Авдусина 2007: 8–30) и относящихся, таким образом, к финальной стадии существования поселения.

– «Производственный» участок — территория около оз. Камыши на которой был расположен ювелирно-кузнечный производственный центр, а также жилые и хозяйственные постройки (раскоп П-8). Сооружения, сменявшие друг друга на этом участке датируются в диапазоне от второй четверти X в. до рубежа X–XI вв. (Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: 31–77).

– «Портовая зона» — участок на северо-восточном берегу оз. Бездонка, которое, вероятно, использовалось

в качестве внутренней гавани (раскоп БД-1). Обнаруженные деревянные настилы могли быть использованы как «тверди» в рамках портового хозяйства древнего Гнездова. Напластования на данном участке, в целом, могут быть датированы в рамках X в. (Мурашева 2007: 106–114)

– «Прибрежная зона» — участок в районе южной границы распространения культурного слоя, вблизи берега древнего русла Днепра, практически на «пляже». На участке была исследована смолокурная яма и целая группа углубленных построек, возможно складов (?). Данная территория может быть интерпретирована как вторая «портовая зона». Исследованные объекты могут быть датированы в рамках X в.

На каждом из участков найдены предметы, относящиеся к византийскому культурному кругу. Перейдем к рассмотрению различных категорий находок.

Монеты. Наиболее ранними находками являются две медные монеты Византийского Херсонеса. Довольно необычен контекст находок. Монеты были найдены на «производственном» участке на дне двух ям расположенных вплотную друг к другу (или углубленных частей древнейших сооружений исследованной части поселения). Назначение ям загадочно: их глубина составляет более 1 м, на дне каждой зафиксирован слой крупных углей, фрагменты лепной посуды. Ямы существовали очень недолго, были плотно забутованы суглинком и сверху, повторяя их конфигурацию, был выкопан двухкамерный кузнечный горн. Совокупность данных позволила предположить культовый характер данных построек в контексте производственного

комплекса и датировать объекты второй четвертью X в.

Одна из редчайших для территории Древней Руси монет Византийского Херсона (рис. 1, 8) — фоллис Юстина I (518–527 гг.).¹ На лицевой стороне монеты изображен бюст императора, на оборотной стороне — император в рост, в правой руке держит длинный крест, левой опирается на щит (Анохин 1977: 98–99. Табл. XXII, 312).

Вторая монета (рис. 1: 7) отчеканена при Василии I (867–886 гг.; см.: Загребина, 1998). И. В. Соколова относит подобные монеты к первому типу монет Василия I. На лицевой стороне помещена бета, которая расшифровывается как имя императора, на оборотной стороне — буквы «пи» и «омикрон», которые рассматриваются как первые буквы слова «полис». Монеты первого типа выпускались очень непродолжительное время — с 867 по 869 гг. (Соколова 1983: 39–40).

По всей видимости, обе монеты являются первыми подобного рода находками в составе культурного слоя древнерусских археологических памятников.

Кроме херсонских монет, на территории пойменной части поселения зафиксированы две монеты столичного чекана, обе они найдены при исследовании «производственного» участка. Фоллис Льва VI Мудрого (886–912 гг.) был превращен в подвеску. Он был найден в заполнении ямы, датированной концом второй четверти X в. (Мурашева, Ениосова, Фетисов 2008: 46). Медная монета Романа I (919–944 гг.) была обнаружена в слое финального

¹ Здесь и далее — определения византийских монет даны Зайцевым В. В. (ОН ГИМ).

горизонта, который может быть датирован концом X — начала XI вв.

Амфорная тара. Амфоры были предназначены для морских и речных перевозок жидких продуктов, в первую очередь, вина, реже — оливкового масла. Амфоры неудобны для сухопутной транспортировки и использовались именно для перевозки на кораблях.

Фрагменты амфор встречены при раскопках всех четырех участков. Наибольшее количество фрагментов зафиксировано на «производственном» участке. Все 5 фрагментов найдены в напластованиях, уверенно датированных второй половиной X в. Большая часть фрагментов найдена в заполне-

нии ямы, которая изначально являлась углубленной частью производственного сооружения, а на финальном этапе использовалась, как помойная.

На территории «притеррасного» участка найдено 3 фрагмента, в различных слоях. Два из них относятся к «трапезундской» группе и один неопределим. Один фрагмент сосуда был найден в слое второй половины X в. около оз. Бездонка. Все перечисленные фрагменты амфор относятся к «трапезундской» группе по классификации И. В. Волкова (Волков 1996: 91–93; Волков 2005: 148–157) или к типу I, виду 1 по классификации В. Ю. Коваля (Коваль 2003: 347). В качестве отличительных особенностей формовочной массы амфор данной группы, И. В. Волков отмечает примесь слюды и мелких минеральных отощителей (Волков 1996: 91).

Наиболее интересная находка была сделана во время полевого сезона 2007 г. на раскопе вблизи берега древнего русла Днепра (ДП-1), где в слое второй половины X в. был найден полный развал красноглиняной амфоры, что позволило выполнить ее реконструкцию (рис. 4). Высота сосуда — около 37 см, высота горла — около 9 см, ручки отходят с небольшим подъемом. На одной из ручек — граффито из четырех параллельных линий (одна из них прочерчена слабо), возможно, это знак собственника. Аналогичные метки зафиксированы на ручках амфор из Плиски (Абоба-Плиски 1905: Табл. LX, 4). Тесто содержит обильные включения слюды и крупные зерна карбоната. Из аналогий, происходящих с территории Древней Руси, самой близкой является амфора из Новгорода, которая датируется второй — третьей четвертью XI в. (Волков 2005: 150).

Рис. 1. Предметы из стекла и цветного металла:

1–5 — стекло; 6–9 — цветной металл. 1 — «притеррасный» участок; 2–9 — «производственный» участок

Находки амфор в слоях конца IX — начала XI вв. чрезвычайно редки. По одному фрагменту найдено в Тимерево и Старой Ладоге и лишь в Киеве и в Гнездове зафиксировано по несколько сосудов. Самым ранним из датированных экземпляров является знаменитая амфора из кургана Л-13 (раскопки Д. А. Авдусина, 1949 г.) с надписью. Все находки из культурного слоя пойменной части Гнездовского поселения происходят из слоев, надежно датированных второй половиной X в. Также второй половиной X–XI вв. датируются и все амфоры из закрытых комплексов Киева (Булгаков 2000).

Поливная керамика На территории пойменной части Гнездовского поселения обнаружено три фрагмента византийской поливной керамики. Два из них найдены на «притеррасном участке». Один из них настолько мал, что не поддается определению, второй же является обломком белоглиняного блюда, на внутренней поверхности которого сохранились остатки росписи в виде «шахматного» рисунка с желто-коричневой подцветкой «клеток». В. Ю. Коваль относит фрагмент данного блюда (Коваль 2005: 165) к полумайолике с трехцветной росписью (группа 6, тип I). Исследователи византийской поливной керамики полагают, что она происходит из императорских мастерских Константинополя (Коваль 2005: 165). Третий фрагмент обнаружен на территории «прибрежного» участка. Это небольшой фрагмент белоглиняного кувшина, покрытого зеленой поливой. По мнению Т. И. Макаровой, подобная, относительно скромная, неорнаментированная посуда носила утилитарный характер (Макарова 1967: 9).

Три фрагмента — казалось бы, ничтожно малое количество. Однако, на X–XI вв. на всей территории Древней Руси зафиксированы фрагменты лишь 21 фрагмент поливного византийского сосуда (Коваль 2005: 165), из них к X в. относятся около 10. Семь сосудов найдены в Гнездове (4 из них в погребениях), один — в Новгороде (конец X в.) три фрагмента происходят из Киева, однако их отнесение к X в. не вполне достоверно.

Фрагменты поливных византийских сосудов из слоя пойменной части Гнездовского поселения, относятся ко второй половине X в., к этому же периоду относятся два «больших» Гнездовских кургана (кург. 20, раскопки В. И. Сизова; кург. 18, раскопки С. И. Сергеева), из которых происходят поливные блюда (Жарнов 1991: 216–217). Известна также кружка с геометрическим орнаментом, обнаруженная во время любительских раскопок в конце XIX в. (Путь 1996: 58). Единственной находкой, которая может быть отнесена к более раннему времени (930–950 гг.) является поливная ойнохойя из уже упоминавшегося кургана Л-13, содержавшего амфору с граффити.

Стеклянные изделия. Византийское происхождение стеклянных изделий, найденных в археологических памятниках Восточной Европы, установить не просто. Во-первых, целых сосудов византийского происхождения, которые можно было бы использовать в качестве эталонов, известно очень мало. Во-вторых, поскольку, византийское стеклоделие вообрало в себя традиции нескольких известных школ: провинциально-римской, столично-римской, сирийской, выделить продукцию собственно византийских мастеров, опи-

раясь только на химический состав или стилистические особенности предмета сложно (Щапова 1998). Некоторые отечественные исследователи вообще не рассматривают византийское стеклоделие как самостоятельный центр (Галибин, 2001; Егорьков 2007).

Надежно установить византийское происхождение можно, сочетая данные о составе стекла с технологией и морфологией предметов (формы, пропорции, цвет, декор, художественная стилистика). По мнению специалистов, изделия византийских стеклоделов на фоне синхронной им продукции отличаются прозрачностью и чистотой цвета, роспись золотом и эмальями, прекрасная сохранность (Гуревич, Джанполадян, Малевская, 1968; Щапова 1991: 170). Особенности химического состава стекол византийского происхождения выделены Ю. Л. Щаповой (Щапова 1998: 94–99).

Ассортимент византийского стеклянного импорта на территории Восточной Европы достаточно широк: сосуды, игральные шашки, бусы, пуговицы, браслеты, перстни, оконное стекло (Седова 1997: 185; Щапова 1998).

Степень изученности различных изделий византийской стеклоделательной школы неравнозначна. Например, о византийской посуде к настоящему времени накоплено немало сведений. Изучены сосуды, в основном, XI–XII вв. (Гуревич, Джанполадян, Малевская 1968; Щапова 1998; Плохов 2007; Егорьков 2007). Более ранние коллекции, относящиеся к X в. не опубликованы. Специальных исследований, посвященных византийским стеклянным перстням, нет. Исключение составляет работа Ю. Л. Щаповой, в которой они характеризуются наряду с перстнями дру-

гого происхождения из древнерусских памятников (Щапова 1997). Наиболее полно изучены стеклянные браслеты (Львова 1959; Щапова 1991; 1997; 1998).

По наблюдениям Ю. Л. Щаповой, византийская посуда на Руси относительно редка и её совокупная часть составляет в XI–XII вв. не более 1–2% от всех стеклянных сосудов; в коллекциях с памятников второй половины X в. известны единичные находки (Щапова 1998: 171).

Доля византийских браслетов в культурном слое древнерусских городов составляет от 1,55% в Новгороде до 9% в Киеве. Еще на рубеже 50–60-х гг. XX в. исследователи заметили, что византийские браслеты массово появляются в конце X в. и бытуют на протяжении всего XI в. (Львова 1959; Davidson 1952). Полевые и кабинетные исследования подтверждают это суждение (Щапова 1998: 129–131; Захаров 2004: рис. 263). В целом, наибольшее распространение стеклянные изделия византийского производства получили в середине XI — второй половине XII в.

В связи с этим коллекция византийских стеклянных изделий с территории пойменной части Гнездовского поселения представляет особый интерес. В ней представлены игральная шашка (1 экз.), фрагменты сосудов (30 экз.) и украшений (4 экз.). Подавляющее большинство изделий обнаружено в слоях, надежно датированных второй половиной X в. Один фрагмент сосуда найден в заполнении ямы, относящейся к первой половине X в. (рис. 2, 7)¹.

¹ Часть находок (5 экз.) происходит из объектов, узкая датировка которых затруднительна: с некоторой долей вероятности они могут быть отнесены и к первой половине X в.

Стеклянные украшения представлены фрагментами трех перстней (рис. 1, 2, 3, 4) и одного браслета (рис. 1, 1). Фрагмент плоского браслета (ширина — 1,2 см, толщина — 0,25 см), включает место соединения стеклянной полосы, на конце читается часть полустертой орнаментальной композиции в виде двух симметричных полупальметт и ромба. Орнамент был нанесен, видимо, золотом. Аналогичные элементы декора встречаются на византийской чаше X–XI вв. из сокровищницы в Сан-Марко (Fife Thousand 1991: 146, Fig.187). Наиболее близкие аналогии можно указать среди браслетов византийского времени из Коринфа (Davidson 1952: 264–265, pl.112–113), где узкие плоские браслеты с растительным и геометрическим орнаментом в целом датируются XI–XII вв. З. А. Львова отмечает, что уплощенные браслеты с росписью были распространены на территории Византии, Дунайской Болгарии и в Причерноморье в XI–XII вв. (Львова 1961: 12). Браслеты с росписью золотом изготавливались в сложноорганизованных мастерских, где наряду с чисто стекольными работами была и роспись по стеклу. В состав продукции таких мастерских входили не только готовые изделия, но и заготовки, которые дополнительно обрабатывали в иных технологических режимах, нанося роспись и позолоту (Щапова 1998: 115, 128). По наблюдению Ю. Л. Щаповой, расписные браслеты встречаются либо на территории Византийской империи, либо в столичных и крупных городах Хазарии, Болгарии и Руси (Щапова 1998: 129; Comşa 1967: 133, fig. 174).

На территории Древней Руси они встречаются редко, исключение со-

ставляют лишь Тмутаракань и Белая Вежа (Львова 1961: 14). По одному фрагменту подобных браслетов было найдено в Белоозере (Захаров 2004: рис. 263, 16) и в слое XI в. в Ростове (Леонтьев 1998: 146, рис. 10), одна находка зафиксирована в Сигтуне (Makt och människor 1990: 94, fig.3). На примере стеклянных браслетов из Новгорода и Плиски Ю. Л. Щапова доказала, что большая часть плосковыпуклых браслетов из темного, почти черного стекла, сваренного на соде, декорированных росписью золотом и светлыми эмалями, относится к периоду до 1025 г. (Щапова 1998: 105, 131).

Все фрагменты стеклянных перстней были найдены на «производственном участке». Перстни в сечении плоско-выпуклые (подтреугольные) изготовлены навивкой из темно-пурпурного стекла. Один из перстней щитковый. Щиток сделан путем прессования на плоскости еще не остывшего изделия. По результатам анализа химического состава установлена принадлежность стекла к Na-Ca-Si классу¹ (табл. 1–2). В качестве источника щелочного сырья была использована зола растения поташник (*calidium caspicum*), произрастающего в пустынной зоне.

¹ Исследование химического состава стекла проведено на электронно-зондовом микроанализаторе MS-46 фирмы Cameca в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН (оператор С. Е. Борисовский). Предварительно отобранные для исследования стекла были смонтированы в эпоксидную шашку и отполированы алмазными пастами. Анализ осуществлялся при ускоряющем напряжении 20 kV, токепоглощенных электронов 30 nA и диаметре зонда 10 мкм. Для обеспечения электропроводимости, образцы напылялись тонким слоем углерода. Расчет поправок осуществлялся по методу ZAF-коррекции с использованием программы PUMA.

Таблица 1. Химический состав стеклянных изделий

№	№ по описи ГИМ	Предмет	Цвет	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO
1	оп. 2768/208	пластинка	бесцветн.	57,2	0,7	7,0	24,1
2		дно сосуда	зелено-голубой	68,0	17,0	0,9	7,7
3	оп. 2786/587	стенка сосуда	зелено-голубой	68,7	17,4	1,0	7,0
4	оп. 2799/334	стенка сосуда	фиолетово-синий	70,4	16,9	0,3	6,8
5	оп. 2778/418	дно сосуда	зелено-голубой	70,6	14,4	0,7	9,5
6	оп. 2768/450	венчик сосуда	зелено-голубой	68,6	16,5	0,6	8,6
7	оп. 2786/457	стенка сосуда	зелено-голубой	69,9	16,5	0,6	8,6
8	оп. 2786/423	стенка сосуда	зелено-голубой	68,5	17,9	0,7	7,8
9	оп. 2768/192	перстень	пурпурный	63,7	15,8	1,4	8,1
10	оп. 2799/162	стенка сосуда	зелено-голубой	68,2	15,5	1,7	7,4
11	оп. 2786/307	стенка сосуда	зелено-голубой	67,5	18,3	1,1	7,4
12	оп. 2766/54	стенка сосуда	пурпурный	72,1	18,8	0,2	6,2

Таблица 2. Основные стеклообразующие и вспомогательные компоненты

№	Химический класс	R ₂ O	RO	Относительное содержание K ₂ O	Относительное содержание MgO	Источник щелочного сырья
1	K ₂ OCaOSiO ₂	7,66	27,77	91,4	13,3	древесная зола
2	Na ₂ OCaOSiO ₂	17,90	8,66	5,1	11,1	натуральная сода
3	Na ₂ OCaOSiO ₂	18,39	8,33	5,5	15,7	натуральная сода
4	Na ₂ OCaOSiO ₂	17,20	7,32	1,6	7,7	натуральная сода
5	Na ₂ OCaOSiO ₂	15,06	10,15	4,3	6,7	натуральная сода
6	Na ₂ OCaOSiO ₂	17,04	8,86	3,3	3,0	натуральная сода
7	Na ₂ OCaOSiO ₂	17,06	9,43	3,6	8,5	натуральная сода
8	Na ₂ OCaOSiO ₂	18,52	8,73	3,6	11,2	натуральная сода
9	Na ₂ OCaOSiO ₂	17,19	10,20	8,1	20,2	зола <i>calidium caspicum</i> наземные части
10	Na ₂ OCaOSiO ₂	17,18	9,58	9,7	23,1	зола <i>calidium caspicum</i> наземные части
11	Na ₂ OCaOSiO ₂	19,37	8,78	5,8	16,3	натуральная сода
12	Na ₂ OCaOSiO ₂	18,92	6,83	0,9	9,7	натуральная сода

№	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂	PbO	SnO ₂	CuO	CoO	Sb ₂ O ₅	NiO	BaO
1	3,7	2,65	0,71	1,42	0,20	0	0	0,02	0	0	0	0,51
2	1,0	2,53	1,00	0,88	0,20	0,32	0	0,03	0	0	0	0
3	1,3	2,36	0,85	0,49	0,13	0	0	0,02	0	0	0	0
4	0,6	1,02	1,80	0,03	0,05	0	0	0,28	0,14	0	0	0
5	0,7	2,66	1,00	0,32	0,30	0	0	0	0	0	0	0
6	0,3	2,57	0,98	0,53	0,23	0	0	0,02	0	0	0	0
7	0,8	2,72	0,93	0,49	0,23	0	0	0,00	0	0	0	0
8	1,0	2,87	0,94	0,68	0,22	0	0	0,02	0	0	0	0
9	2,1	2,72	1,33	4,17	0,13	0,18	0	0,02	0	0	0	0
10	2,2	2,19	0,96	0,04	0,10	0	0	0	0	0	0	0
11	1,4	2,36	0,90	0,41	0,15	0,20	0	0,02	0	0	0	0
12	0,7	1,04	0,31	1,02	0,05	0	0	0	0	0	0	0

№	Источник щелочно-земельного сырья	Рецепт. норма	Красители	Обесцвечиватели
1	доломитовые известняки	0,28	-	марганец
2	доломитовые известняки	2,07	-	марганец
3	доломитовые известняки	2,21	-	марганец
4	доломитовые известняки	2,35	кобальт	-
5	известняки	1,48	-	марганец
6	известняки	1,92	-	марганец
7	доломитовые известняки	1,81	-	марганец
8	доломитовые известняки	2,12	-	марганец
9	доломитовые известняки	1,69	марганец	-
10	доломиты	1,79	-	-
11	доломитовые известняки	2,21	-	марганец
12	доломитовые известняки	2,77	марганец	-

Коллекция *сосудов* (рис. 2) представлена 30 фрагментами, из них 6 венчиков, 3 обломка дна, 1 ручка, 18 стенок. Еще 2 фрагмента оплавлены и не поддаются определению. Все сосуды были изготовлены с помощью выдувания в открытую одночастную форму из прозрачного, хорошо проваренного стекла. Для подавляющего большинства фрагментов использовано стекло очень светлого зелено-голубого оттенка. Толщина стенок сосудов составляет 0,5–1,7 мм, причем только у трех фрагментов она превышает 1,0 мм. Один фрагмент декорирован способом накладки стеклянной нити с последующей обработкой штампом (рис. 2, 5). В пурпурный цвет окрашен 1 фрагмент (рис. 2, 21), 4 — в интенсивный фиолетово-синий (рис. 2, 25–27). Все 4 фиолетово-синих фрагмента сохранили следы росписи золотом.

Химический состав стекла исследован для 10 фрагментов сосудов (табл. 1–2). Интерпретация результатов анализа химического состава проведена по методике Ю. Л. Щаповой. Все стекла относятся к классу Na-Ca-Si, для их изготовления были использованы различные источники щелочного сырья: натуральная сода (9 образцов) и зола поташника (1 образец).

Для окрашивания стекла в пурпурный цвет был использован марганец, фиолетово-синее стекло получали с помощью кобальта. В составе образца, окрашенного кобальтом, присутствуют марганец (0,03 %) и медь (0,28 %). По наблюдению В. А. Галибина, такие особенности характерны для химического состава древних и средневековых содовых стекол, сваренных в античных традициях. В фиолетово-синих (кобальто-

вых) стеклах, сваренных на золе в традициях ближневосточной («иранской») школы, марганец и медь не встречаются (Галибин 2001: 37).

Итак, образцы характеризуются низким содержанием щелочных земель ($RO = 6,28\% - 10,2\%$) и использованием соды или золы растений пустынной зоны в качестве щелочного сырья. Именно на эти признаки указывает Ю. Л. Щапова, характеризуя особенности химического состава стекол византийского происхождения (Щапова 1998: 94–99). Таким образом, как по химическому составу, так и по морфологическим признакам (очень тонкие стенки, пурпурный, фиолетовый, светлый зелено-голубой цвет прозрачного стекла, роспись золотом) исследованную коллекцию стеклянных сосудов можно отнести к продукции византийских столичных мастерских.

Номенклатура византийской посуды достаточно обширна: тарелки, кубки, стаканы, чаши, бутылки, лампы, кувшины (Henderson, Mango 1995). Примерно для половины фрагментов сосудов рассматриваемой коллекции с определенной долей условности, можно реконструировать форму сосуда. Это кувшины (7 экз.), чаши (4 экз.), кубки-стаканы (2 экз.), лампа (1 экз.), подвесная лампа (1 экз.).

Для византийского стеклоделия рассматриваемого периода характерно три направления в производстве посуды: бытовая, культовая посуда и посуда для нужд двора и дарений (Щапова 1998: 245). В коллекции представлена культовая посуда, например лампы. Чаши, расписанные золотом, безусловно, являются предметом роскоши и вряд ли были предметом торговли на

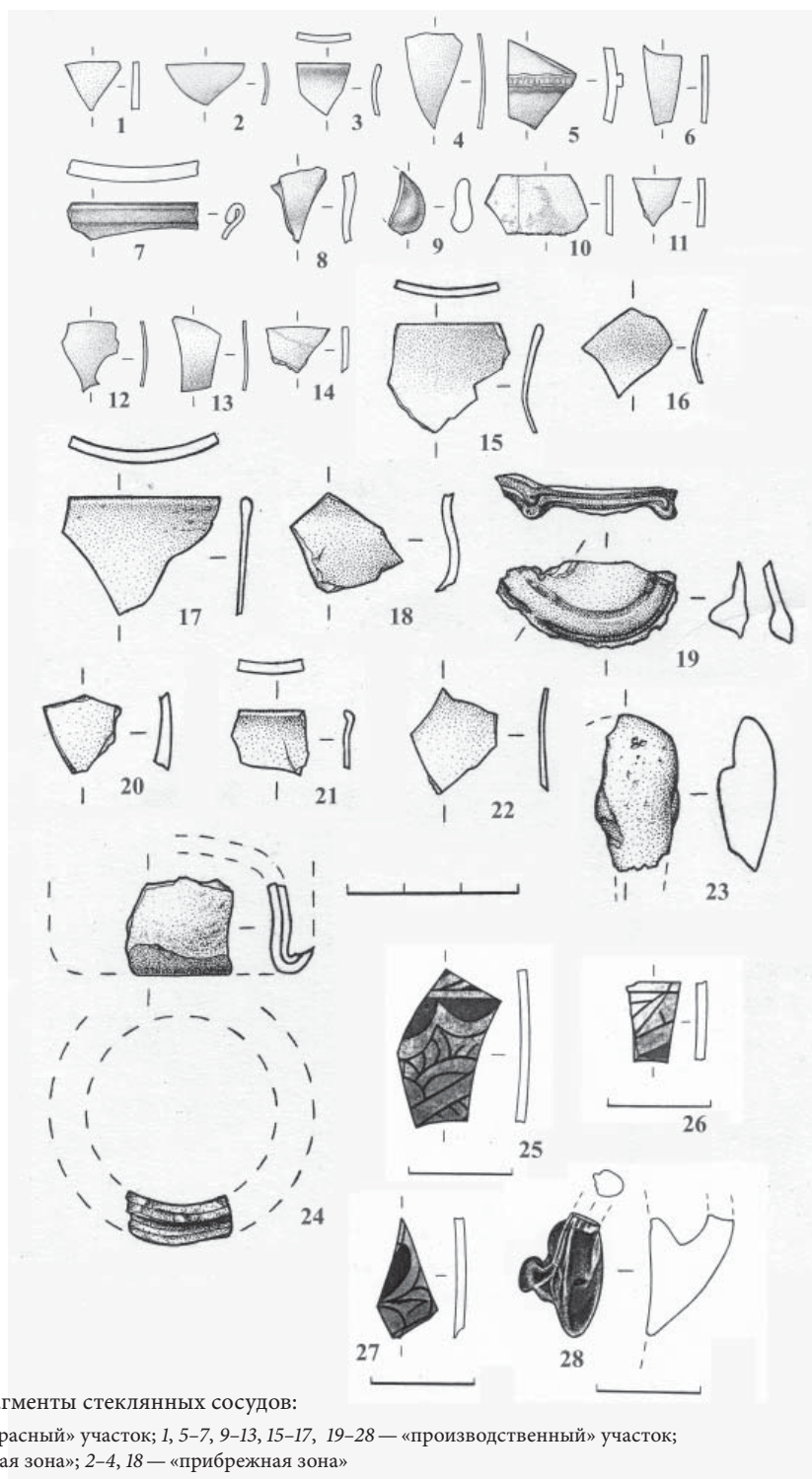

Рис. 2. Фрагменты стеклянных сосудов:

8 — «притеррасный» участок; 1, 5-7, 9-13, 15-17, 19-28 — «производственный» участок;
4 — «портовая зона»; 2-4, 18 — «прибрежная зона»

длинные расстояния. Стоимость работ, необходимых для декорирования существенно превышала стоимость изготовления самого сосуда. Это исключало всякую выгоду от торговли подобными изделиями. Скорее подобные сосуды были предметом высокого дарения. Сосуды, расписанные золотом, производили в специализированных мастерских, объединявших мастеров разных специальностей. Кроме того, согласно «Книге епарха» работа с золотом подразумевала жесткий государственный контроль за расходом сырья (Сюзюмов, 1949: 17), Все это позволяет отнести изделия к продукции константинопольских дворцовых мастерских, занятых изготовлением предметов роскоши для нужд двора и дипломатии.

Рассмотрев метрику византийских сосудов на примере сохранившихся целых форм, Ю. Л. Щапова предложила алгоритм, позволяющий реконструировать форму сосуда по его фрагментам. Следуя предложенной методике, мы попытались восстановить форму сосуда из нашей коллекции¹.

Отдельно необходимо остановиться на фрагменте плоской стеклянной пластинки из бесцветного прозрачного стекла толщиной 1,0 мм (рис. 2, 10). Анализ химического состава показал принадлежность образца к классу К-Са-Si стекол (табл. 1–2), образец отличается высоким содержанием щелочных земель (в сумме 27,8 %, из них на

СаО приходится 24,1 %). Для изготовления стекла была использована зола растений континентальной зоны. Стекло специально обесцвечено марганцем. Подобные признаки характерны для западноевропейского позднесредневекового стекла. Однако археологический контекст и условия залегания в слое не позволяют датировать фрагмент позднее второй половины X в.

Игральная шашка была изготовлена литьем в одностороннюю форму из темного (почти черного) стекла (рис. 1, 5). Находок стеклянных полусферических шашек X — начала XI вв. на территории Древней Руси относительно немного. Около десятка (сохранилось четыре) найдено в камерном погребении в Киеве (№ 108 по М. К. Каргеру; см.: Каргер 1957: 170); семь подобных шашек² (не считая двух антропоморфных фигурок «королей») найдено в Шестовице (курган XXI по П. Смоличеву; курган 33 по Д. И. Блительду; см.: Блительд 1977: 127); 24 округлых стеклянных шашки (помимо двух фигурок «королей») найдены в камерном парном погребении в Шестовице (курган № 26 по Я. В. Станкевич; курган № 98 по Блительду; см.: Андрощук 1999: 52–53); одна стеклянная шашка найдена в Гнездово в составе «клада» 1909 г.; 13 стеклянных шашек найдено в Гнездово в кургане Оль-30; одна стеклянная шашка найдена на территории Гнездовского поселения (Путь 1996: 68); 4 оплавленных стеклянных шашки най-

¹ Фрагмент позволил нам понять образ сосуда: скорее высокий, чем низкий, скорее узкий, чем широкий. Сам кусочек содержал информацию только о диаметре дна сосуда ($\approx 4,6$ см). Поскольку все размеры византийского стеклянного сосуда связаны между собой, а диаметр дна в большинстве случаев является модулем, нам удалось рассчитать вероятную высоту сосуда

(13,8 см или 9,2 см) и диаметр венчика (9,2 см). В качестве аналогий для реконструкций выступили: кубок из Коринфа, стакан на поддоне из Новгорода (Щапова 1998: 271, рис. 44; Davidson 1952).

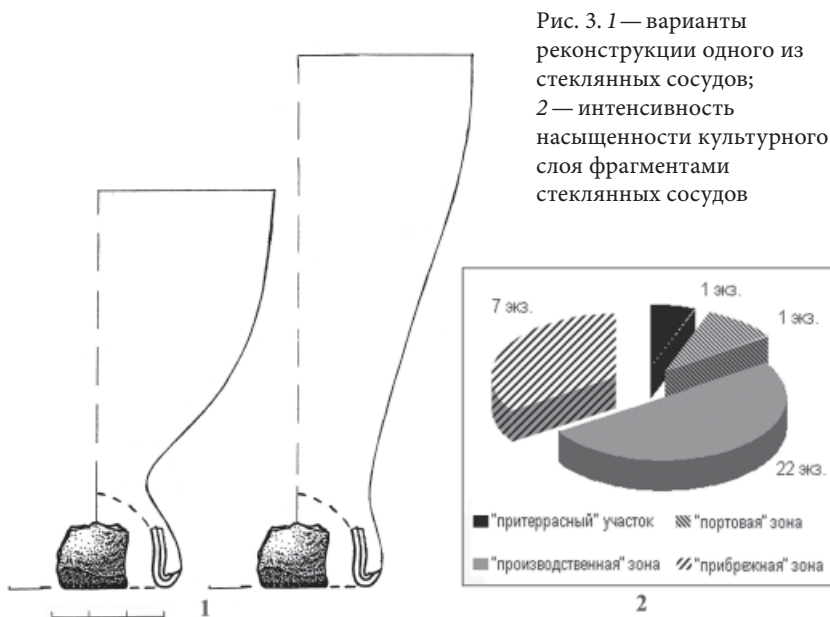
² В сводке Г. Ф. Корзухиной говорится о шести шашках и двух высоких стеклянных цилиндрических фигурках «королей» (Корзухина 1963: 85).

дены в Седневе (кург. 2 по С. С. Ширинскому; см.: Ширинский 1968: 240). Помимо этого из нескольких курганов с кремацией происходит некоторое количество оплавленных стеклянных предметов, которые Г. Ф. Корзухина по характерному цвету и размерам считает возможным отнести к игральным шашкам: это целый ряд курганов в Седневе (из раскопок Н. Е. Бранденбурга и Д. Я. Самоквасова), погребение в Черной Могиле, ряд курганов Гнездово — № Л-12, Л-65, Л-74, Л-86 (Корзухина 1963: 85–88).

Единственная специальная работа, посвященная этой категории находок — это статья Г. Ф. Корзухиной, вышедшая в 1963 г. В этой статье собраны и проанализированы все известные на тот момент игральные шашки (из стекла, кости, камня, глины и янтаря) на территории Древней Руси и приведены аналогии подобных находок за ее пределами (Корзухина 1963). Обнару-

жив аналогии древнерусским игральным шашкам лишь на территории Дании, Швеции, Норвегии и Исландии, и проследив эволюцию этих категорий находок от позднеримского времени до средневековья, Г. Ф. Корзухина приходит к выводу, что как сама игра, так и ее атрибуты попадали на Русь через Северную Европу. Эта точка зрения широко признана и сегодня (Древняя Русь 1997: 110; Толочко 1990: 120). Византийское происхождение стеклянных шашек предположила Ю. Л. Шапова, высказав при этом мнение о поступлении их на территории Древней Руси с севера следующим путем: изначально скандинавы везли стеклянные шашки из Византии в Северную Европу, а затем эта категория находок попадала при помощи скандинавских дружин и купцов на Русь (Шапова 1991: 166).

Тем не менее, остается еще ряд моментов, позволяющих вновь поставить вопрос о путях поступления на древне-

русские территории стеклянных шашек.

Сама игра в шашки по свидетельствам письменных источников была широко распространена во всей Средневековой Европе. О популярности этой игры в Скандинавии сообщают саги («Сага о Гуннлауге Змеином Языке»; см.: Стеблин-Каменский 1997), а о широком распространении игры в шашки в Византии говорит Анна Комнина в «Алексиаде» (Комнина 1965: 417). Вероятно, нельзя делать однозначного вывода о большей распространенности этой игры в северогерманском или византийском мире и связывать с этим направление поступления самой игры (и ее материальных атрибутов) на Русь.

В первую очередь обращает на себя внимание несовпадения ареалов распространения на Руси стеклянных и костяных (а также глиняных, каменных) шашек. За исключением Гнездова, стеклянные шашки присутствуют только на памятниках Среднего Поднепровья и Днепро-Деснинского междуречья (Киев, Чернигов, Шестовица, Седнев). Севернее этого ареала они не заходят — там найдены лишь шашки из кости, глины и камня, которые присутствуют и на памятниках Южной Руси. Допуская «скандинавскую версию» попадания шашек на Русь, логично было бы предположить, что и стеклянные шашки должны были оседать в первую очередь на памятниках северного региона (например, в Старой Ладоге или Городке на Ловати, где, однако встречены только экземпляры из кости и янтаря). Однако этого не наблюдается. Важно также отметить, что количество погребальных комплексов со стеклянными шашками в самой Скандинавии вполне сопоставимо с Южной Русью: они най-

дены в шести погребениях в Бирке, по одному погребению в Туне, Вальсърде и Лангторе (Швеция), по одному погребению в Хёгге и Сторхауге (Норвегия). Северная Европа — регион подавляющего господства шашек из кости, камня и глины: около 90 комплексов по сводке Г. Ф. Корзухиной (Корзухина 1963: 90). Достаточно важен также и хронологический момент: костяные шашки на территории Скандинавии имеют практически непрерывную историю с поздне-неримского времени до средневековья, в то время как стеклянные шашки появляются здесь только в X в¹. На основе анализа находок костяных игральных фигур X–XII вв. в Северной Европе и их аналогов на древнерусских территориях современные украинские исследователи так же приходят к выводу о скандинавском происхождении костяных игровых наборов, найденных в Киеве, Чернигове, Гнездово, Старой Ладоге и др. (Сагайдак, Хамайко, Вергун 2008: 143).

Второй момент, заставляющий усомниться в «скандинавской версии» попадания стеклянных шашек на Русь — совпадение хронологии и ареалов распространения таких шашек и византийской амфорной тары. Как было показано выше ранние амфоры фиксируются на территории Руси только с середины — второй половины X в. и только на территории Среднего Поднепровья и Днепро-Деснинского междуречья. Как и в случае со стеклянными шашками единственное территориальное исключение здесь составляет Гнездово. Камер-

¹ Стеклянные шашки поздне-неримского времени, зафиксированные в единичных случаях в Восточной и Северной Европе, исчезают в начале V в. и относятся совсем к иной традиции (Корзухина 1963: 92).

ные погребения в Киеве (№ 108), Шестовице (№ № 33, 98) и Гнездово (Оль-30) со стеклянными шашками относятся к середине — второй половине X в. (Михайлов 2005: 18). Второй половиной X в. датируется раскопанное С. С. Ширинским погребение со стеклянными шашками в Седневе (Ширинский 1968: 240). Стеклянная шашка с пойменной части Гнездовского селища также найдена в слое второй половины X — начала XI вв.

Отмеченные обстоятельства позволяют предположить, что процесс поступления стеклянных шашек на древнерусские территории шел с юга по Днепровскому пути не ранее чем с середины X в.

Украшения из цветных металлов. Среди металлических украшений к категории византийских импортов можно отнести лишь один пластинчатый щитковый перстень, он найден в составе финального горизонта (конец X — начало XI в.) «производственного» участка. На его округлом щитке — гравированное изображение птицы с распростертыми крыльями (рис. 1, 6). Форма перстня характерна для украшений византийского происхождения, на щитках перстней часто встречаются монограммы или различные гравированные изображения (напр.: Българите 2004: Кат. № 27, 7). Перстни с изображением птицы известны на территории Балкано-Дунайского региона: в Болгарии (могильник IX–X вв. на территории Варны; см.: Българите 2004: Кат. № 27, 7; Абоба-Плиска 1905: Табл. LX, 4) и Румынии (могильник Temisoara, конец X — начало XI в.; см.: Radulescu, Gáll 2001: Abb.11, 14; Barnea 1967b: 285, fig.170). На территории Древней Руси найден лишь один перстень, аналогич-

ный гнездовскому — он происходит из культурного слоя поселения Тимерева (Sedyh 2000: 188, fig.9, 2).

Энколпион. Особое место среди находок занимает энколпион, найденный на территории «производственного» участка (рис. 1, 9). Он найден вне построек почти у верхней кромки залегания культурного слоя и может быть отнесен к финальной стадии позднего горизонта, то есть — к концу X — началу XI в.

Энколпион относится к категории рельефных крестов-реликвариев¹. Лицевая створка несет на себе изображение Распятия. Два поясных изображения неизвестных святых несут на себе верхняя и нижняя ветви креста. На средокрестье оборотной стороны — изображение Богоматери Оранты. В конце каждой из ветвей креста — погрудные изображения святых, возможно, евангелистов.

За ранними, гравированными и литыми крестами-складнями в литературе прочно закрепилось название «сирийские». Точка зрения об их «греко-восточном» происхождении была высказана еще Н. П. Кондаковым (Кондаков 1914: 258) в начале XX в. который указывал, что максимальное количество находок происходит из Египта и Сирии. Идеи Н. П. Кондакова были поддержаны и развиты Г. Ф. Корзухиной и В. И. Залесской (Корзухина 1958: 132; Залесская 1988: 96–98), которые полагали, что производство было налажено в восточных провинциях Византии, откуда паломники или торговцы разносили кресты-мощевики во все стороны христианского мира.

¹ Энколпиону будет посвящена отдельная публикация, поэтому в настоящей статье детальный анализ находки опускается.

Однако, болгарская исследовательница Л. Дончева-Петкова, после изучения корпуса энколпионов, найденных в слоях поселений X–XI вв., выдвинула предположение, что часть крестов могла быть изготовлена на территории Болгарии в эпоху византийского владычества (Дончева-Петкова 2004: 230). Ее мнение разделяют А. А. Пескова и Б. Питаракис (Пескова 2007: 268–279; Pitarakis 2006: 68–71), которые, изучив детали иконографии ранних крестов, выделяют набор признаков, характерных для крестов, изготовленных на территории Балкано-Дунайского региона. Эти кресты представляют собой один из вариантов классической схемы: в изображении Распятия на месте возглавия и подножия появляются чрезвычайно схематичные погрудные изображения неопознаваемых святых без медальонов, а предстоящие изображаются не в рост, а оплечно, под руками распятого Христа. Исследователи подчеркивают, что на территории Сирии, Египта и Греции точных аналогий таким реликвариям не обнаружено. Энколпион, найденный в Гнездове, отвечает всем признакам, выделяемым исследователями.

Действительно, наибольшее количество точных аналогий кресту из Гнездова происходит из Балкано-Дунайского региона. На территории Болгарии они зафиксированы в слоях поселений, которые датируются X — началом XI вв. (Абоба-Плиска 1905: Табл. LVI, 3 а, в). Три креста рассматриваемого типа были обнаружены при раскопках Диногечии на территории Добруджи. Диногечия была отстроена византийцами после победы над князем Святославом и занятия Добруджи, материал из рас-

копок датируется по нумизматическим данным X–XII вв. (Barnea 1967a: 359, 363, fig. 193, 9–10, 191, 20). Не менее пяти точных аналогий энколпиону из Гнездова зафиксировано также на территории Венгрии (The Ancient Hungarians 1996: 193, fig.1). На территории Венгрии найдено еще четыре подобных крестамощевика (Gábor 2000: tábl. 89, 6. 92, 15; Pitarakis 2006: 230, Cat.146–149).

Вероятно, основные центры их производства находились на территории Первого Болгарского царства, где самостоятельные модели крестов создавались, путем переработки основного иконографического типа византийских нагрудных крестов-реликвариев, широко бытовавших в этих землях и широко известных болгарским мастерам. За пределами Балкано-Дунайского региона находки энколпионов рассматриваемого типа немногочисленны. Три находки происходят из средневекового Херсонеса (Залеская 1988: 97, рис. 5). На древнерусской территории известны находки трех крестов этого типа; два из них лишены точного археологического контекста (Корзухина, Пескова 2003: 46, табл. 3. кат. № I.1/10; Захаров 2004: рис. 45, 7); третий происходит из воинского погребения конца X — первой половины XI вв. в Подгорцах (Liwoch 2007: 375, фото 30).

Вопрос о социальной принадлежности владельцев крестов-мощевиков неоднократно поднимался в литературе. Г. Ф. Корзухина, проанализировав данные русских письменных источников и собрав информацию, оказавшуюся довольно скудной, о находках крестов-реликвариев из закрытых археологических комплексов приходит к выводу о том, что данные письменных и архео-

логических источников не позволяют конкретизировать гипотетических владельцев энколпионов в рамках ранне-средневековой социальной иерархии (Корзухина, Пескова 2003: 37–39). Однако, гнездовский энколпион — особый случай, он найден на памятнике, который в целом относится к языческой эпохе и, являясь предметом личного благочестия, входит в перечень относительно немногочисленных находок, свидетельствующих о существовании в Гнездове группы христиан. Очевидно, что обладание крестом-реликварием не могло быть ординарным явлением. Не исключено, что крест принадлежал священнослужителю-миссионеру или, во всяком случае, человеку, принявшему христианство. К сожалению, контекст находки не позволяет реконструировать объект (постройку), к которой он относился, однако интересно отметить, что практически рядом была найдена византийская медная монета Романа I (919–944 гг.).

Существование группы христиан (христианской общины?) в Гнездове документировано находками предметов личного благочестия — крестов в ряде погребений Гнездова (Мусин 2002: 132–133). Кроме того, крестик «скандинавского типа» входил в состав клада 950-х гг. (Пушкина 1996: 177, 186, рис. IV). О распространении христианства в среде гнездовской элиты свидетельствуют и находки свечей и воска в погребениях 950–970-х гг. (Пушкина 1997: 123–126). Приведенные данные свидетельствуют о проникновении христианства на территорию Верхнего Поднепровья еще в середине X в.

Балкано-дунайское происхождение энколпиона заставляет обратиться к

роли Болгарии в процессе распространения христианства на Руси. Как уже отмечалось, энколпион был найден в слое конца X — начала XI вв., то есть — ко времени после официального акта принятия христианства в 988 г. Однако период последней четверти X — начала XI вв. был одним из самых неблагоприятных моментов для развития русско-болгарских отношений на государственном уровне. Это связано с тем, что Болгария с 976 по 1018 гг. находилась в состоянии войны с Византией, что никак не могло способствовать развитию международных контактов (Литаврин 1999: 403). Однако, очевидно, что только Болгария, с уже укоренившейся славянской письменностью и сложившимся богослужением на славянском языке, могла сыграть решающую роль, как в распространении письменности, так и в становлении богослужения на Руси. Г. Г. Литаврин предположил, что при практически полной нереальности официальных контактов по госу-

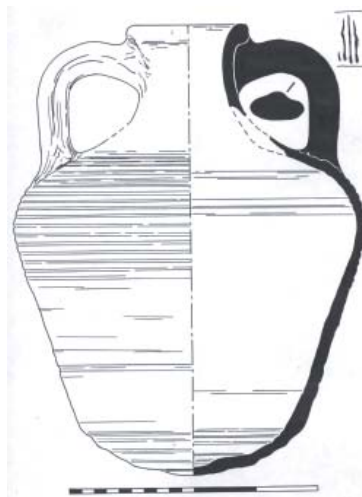

Рис. 4. Реконструкция амфоры (автор И. В. Волков), найденной на «прибрежной» зоне

дарственно-церковной линии, неофициальные связи, тем не менее, успешно развивались (Литаврин 1999: 405). Возможно, гнездовский энколпион является материальным воплощением такого рода контактов. Однако, это не единственный вариант объяснения попадания креста на территорию Верхнего Поднепровья. Как уже отмечалось, за пределами Балкано-Дунайского региона, максимальное количество (не менее трех экземпляров) энколпионов рассматриваемого типа обнаружено в Херсонесе. Как известно, первыми священнослужителями на Руси, были приехавшие с Анной «курсунские» попы. Однако, некоторые исследователи полагают, что епископы Анастасий и Иаким были не коренными жителями Курсуни, а выходцами из Восточной Болгарии (Медынцева 2000: 257). Таким образом, крест-мощевик из Гнездова может быть иллюстрацией связей Болгария — Херсон — Русь.

* * *

В заключение обзора находок, подведем некоторые итоги. Анализ находок византийского круга (44 предмета) с пойменной части гнездовского поселения, позволяет поставить вопрос о динамике развития связей Верхнего Поднепровья с Византией.

Гнездовский контрольно-административный пункт, находясь на пересечении нескольких крупнейших торговых магистралей, способен выступить своего рода «индикатором» основных этапов развития пути «из варяг в греки» и т. н. «широтного» пути (Зап. Двина — Днепр — Ока — Волга). Одной из основных исследовательских проблем в этом отношении остается вопрос о пу-

тях и времени поступления в Гнездово импортов византийского круга.

Контакты киевских князей с Константинополем были своего рода легитимизацией в X в. власти первых Рюриковичей на международном уровне. (Петрухин 1995: 50). При этом удивительным кажется факт крайней малочисленности по данным археологии византийских элементов в «дружинной культуре» Древней Руси. Т. Нунен отмечал, что роль русско-византийской торговли в IX–X вв. в историографии традиционно сильно преувеличивается: в IX в. никаких однозначных свидетельств такой торговли нет, а в X в. ее масштабы были гораздо скромнее, чем обычно считается (Noonan 1987: 399).

В связи с этим встает можно попытаться поставить вопрос о «беспрерывности» (по маршруту Балтика — Ладога — Гнездово — Киев — Византия) Балтийско-Днепровского пути в первой половине X в., а также о времени начала функционирования некоторых отрезков пути и динамике их развития. Где начинался и где заканчивался путь «из варяг в греки» на разных этапах своего существования? Функционирование отдельных отрезков этой магистрали в качестве торговых путей доказано уже для IX в. Так, например, И. И. Еремеев показал формирование системы переходов из Ловати в Днепр, маркированных скандинавскими находками (Еремеев 2005). При этом, с одной стороны «Повесть временных лет» говорит о транзитном непрерывном пути, с другой стороны есть ряд свидетельств, говорящих о том, что волховско-днепровская магистраль долгое время существовала лишь в виде нескольких самостоятельных отрезков.

Традиционный взгляд на путь «из варяг в греки» представляет его как единую сквозную магистраль от Балтики до Черного моря уже с конца IX — начала X вв. Поход Олега в 882 г. из Новгорода в Киев, как считается, способствовал освоению этого пути и положил начало торговому движению через территорию Древней Руси от Ладоги до Константинополя.

В современной историографии уже неоднократно высказывалась идея о том, что описанный в летописи путь «из варяг в греки» как транзитная магистраль от Балтики до Константинополя сложился достаточно поздно, либо до середины X в. мог существовать в виде северного и южного отрезков (Зоценко 2001: 121–125; Андрощук 2001: 133; Леонтьев 1986). В последнее время все большее распространение получает мнение о том, что для Гнездово на ранних этапах его существования больший приоритет, чем южные связи, имели «широтные» торговые пути и контакты с Балтикой (Зоценко 2001: 121).

Подавляющее большинство предметов византийского круга по материалам пойменной части поселения в Гнездово относятся к середине — второй половине X в.: все фрагменты амфорной тары и поливной посуды, подавляющее большинство стеклянных изделий, энколпион. В комплексах более раннего периода зафиксированы лишь три византийские монеты (из 4 найденных) и фрагмент одного стеклянного сосуда (из 35 найденных стеклянных изделий).

В связи с этим обращает на себя внимание датировка вещей византийского круга в Северной Руси. О. И. Богуславский специально отмечает, что

основная масса византийских монет попадает в Скандинавию, Финляндию и Приладожье только во второй пол. X в. (Богуславский 1995; Андрощук 2001: 132). В частности, в Приладожье малочисленные византийские серебряные монеты впервые попадают в 950–980-е гг. (Богуславский 1993: 8). Что примечательно, Т. Нунен относит появление первых византийских монет в Киеве также лишь к середине X в. (Noonan 1987: 398). Говоря о проникновении арабского серебра в районы Новгородской земли и Ладоги, А. Е. Леонтьев предположил, что куфические монеты могли попадать на северный отрезок Днепровско-Балтийского пути не с юга, а через Сев. Донец по Пслу и Сейму, или с Оки через Десну (Леонтьев 1986: 7).

Появление в 920–970 гг. в Приладожье вещей дунайского круга О. И. Богуславский, вслед за Г. С. Лебедевым, связывает с Волжским путем и варягами наемниками, которые, проведя какое-то время в Византии, возвращались на север т. н. «кружным путем» через Каспий (Богуславский 1993: 7; Лебедев 1985: 252–255). При этом наибольшее число вещей венгерско-дунайского круга попадает в Приладожье именно в 950–980-х гг. (Богуславский 1993: 8).

При рассмотрении хронологии византийских импортов на территории Древней Руси необходимо помнить, что характер их может быть различен для разных этапов: в одних случаях это может быть случайным эпизодическим попаданием вещей византийского круга в торгово-ремесленные центры Руси, в других — отражением движения торговых потоков по торгово-коммуникационным путям.

Среди рассмотренных византийских находок пойменной части Гнездовского поселения лишь монеты относятся к периоду, более раннему, чем весь корпус византийских импортов. Находок византийских монет на древнерусских территориях X в. достаточно мало. Т. Нунан отмечает, что они не играли какой-либо существенной роли в экономической жизни раннегородских центров Древней Руси (Noonan 1987: 398), а значит динамика их распространения в это время ничего не говорит о направлениях и масштабах русско-византийских торговых связей. Попадавшие на древнерусские памятники византийские медные и золотые монеты были своего рода «сувенирами», привезенными из поездок, и, по мнению Т. Нунана, не являются индикаторами отношений Руси с Византией или Херсонесом (Noonan 1987: 398). В этом отношении необходимо помнить, что изображение на византийских монетах креста, образов Христа или Богоматери могло быть чем-то вроде «символа веры» для ранних христиан Древней Руси (Богуславский 1990: 61; Бутырский 2000; Мусин 2002: 172). В пользу этого предположения говорит и несистематичность находок византийских монет на древнерусских памятниках. Подобная возможность использования византийских монет не в торговых операциях может быть зафиксирована и в Гнездово. Т. А. Пушкина отдельно отметила «явное употребление обитателями Гнездовского поселения значительной части медных византийских монет в качестве украшений или амулетов» (Молчанов, Пушкина 2003: 53). Тем не менее, находки в пойменной части Гнездовского поселения ранних херсонских монет

являются редким подтверждением связей Древней Руси с крымскими владениями империи.

Количество находок, свидетельствующих о русско-византийских связях существенно возрастает в слое, который начал формироваться после 50-х гг. X в. Ассортимент предметов византийского происхождения значительно расширяется, среди находок представлены фрагменты стеклянных сосудов, глиняных амфор, стеклянная шашка, перстень, крест-мошевик.

Из описания торговли Киева с Константинополем у Константина Багрянородного видно, что до середины X в. в качестве торговой магистрали используется отрезок Днепра от Киева до Византии. Ни о каком едином для Восточной Европы торговом пути от Балтики до Черного моря речи здесь не идет¹. Как мы видим из текста трактата «Об управлении империей», в Киев приходят лишь однодревки от данников среднеднепровской Руси, причем эти приходящие однодревки русы *покупают*. Загрузка их товарами для отправки в Византию (как и «достройка» самих од-

¹ «Приходящие из внешней России в Константинополь моносылы являются одни из Немогарда... а другие из крепости Милински, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киеова, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии — рубят в своих горах моносылы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киеву. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долбенки и разобрав свои старые моносылы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их» (Об управлении 1989: 45–47).

нодревок для дальнейшего плавания) также происходят только в Киеве. То есть, налаженная магистраль прохождение судов уже существует, и начинается она от Новгорода, но непосредственно торговый поток отмечается только для отрезка Киев — Черное море. Учитывая время создания трактата «Об управлении империей» (948–952 гг.), возможно, здесь фиксируется состояние пути «из варяг в греки» непосредственно накануне превращения его в транзитную торговую магистраль от Балтики до Византии. Похожую картину дают и русско-византийские договоры 912 и 945 гг. (по хронологии ПВЛ). Соглашаясь с Т. Нунаном, можно предположить, что представления о масштабах русско-византийской торговли по материалам договоров несколько преувеличены, по крайней мере, для первой половины X в. В договоре Олега торговые вопросы затрагиваются лишь вскользь, основное внимание уделяется правовому регулированию отношений между руссами и греками, вопросам службы русских наемников в Византии и др. (ПВЛ: 18–19).

В середине X в. акцент русско-византийских отношений меняется: договор Игоря посвящен уже преимущественно вопросам торговли: в нем (в отличие от договора 912 г.) детально разбираются вопросы пребывания русских купцов в Византии (ПВЛ: 24–26). Договор середины X в. фиксирует значительное усложнение торговых контактов Руси и Византии, по сравнению с началом X в. (Сахаров 1980: 241). Для нас особенно важно, что в тексте соглашения 907 г. и в договоре 945 г. в качестве торговых центров Руси, отправляющих купеческие корабли в Византию, названы

лишь Киев, Чернигов и Переяславль, а в отношении остальных центров в тексте присутствует неопределенная фраза «и прочие гради», не позволяющая соотнести их с каким-либо известным торгово-ремесленным или раннегородским поселением¹. Договор 945 г. и сочинение Константина Багрянородного фиксируют один общий «хронологический срез» развития русско-византийской торговли. Важен также тот факт, что проблема обеспечения легитимности пребывания русских купцов в Византии (верительные грамоты и ответственность за возможные конфликты с греками) по договору 945 г. ложится на киевского князя (ПВЛ: 24) — т. е., он полностью контролирует торговые караваны, прибывающие с русских территорий.

Распространение византийских импортов в Гнездово связано не только с экономическими, но и с политическими процессами: около 50-х гг. X в. происходит, вероятно, усиление великокняжеской власти Киева в этом регионе либо прямое подчинение Гнездова власти киевских князей (Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007: 70).

На основании вышеизложенного можно предположить, что либо только около середины X в. «путь из варяг в греки» начал функционировать как единая сплошная транзитная торговая магистраль от Балтики до Черного моря (а не в виде отдельных отрезков), либо в середине X в. происходит значительное увеличение объемов торговли на тран-

¹ Список городов в соглашении 907 г., в которые идет часть дани (Полоцк, Ростов, Любеч), в данном случае не может учитываться, поскольку он показывает участников военного похода, но не участников международной торговли.

зитном Днепровско-Балтийском пути. Последняя точка зрения была впервые высказана Д. А. Авдусиным на основании анализа хронологии гнездовского могильника (Авдусин 1972: 165). Материалы византийского происхождения с территории пойменной части поселения подтверждают и уточняют эту гипотезу.

Результат поиска аналогий гнездовским находкам указывает не только на связи с основной территорией Империи, но и на Балкано-Дунайское направление контактов. Вероятно, характер связей был разнообразным, речь может идти не только о торговле, но и о военных трофеях или процессах христианизации. Скорее всего, в результате торговли на территорию Верхнего Поднепровья попали амфоры, может быть, часть стеклянных и поливных сосудов. Как уже отмечалось, драгоценные сосуды с росписью не были статьей экспорта, они были предназначены для дарений. Часть предметов могла происходить не из метрополии, а с территорий, находившихся под сильным византийским влиянием, например из Дунайской Болгарии.

Интересно отметить, что находки византийских импортов зафиксированы на всех исследованных участках пойменной части поселения, однако максимальная их концентрация отмечена на «производственном» участке. Все предметы византийского происхождения на периферии цивилизованного мира являлись предметами роскоши. Исследования показывают, что они могут быть надежным социальным и имущественным индикатором, позволяющим выявить на поселениях усадьбы аристократов, купечества и священнослужителей. Можно предположить, что исследованные ювелирно-кузнечные мастерские («производственная зона») находились на территории усадьбы, принадлежавшей человеку высокого социального ранга. Находка же разбитой амфоры на «прибрежном» участке может свидетельствовать о том, что в этом районе происходила разгрузка кораблей.

Распространение византийских импортов в Гнездово позволяет, таким образом, отметить новый этап в развитии трансъвропейского Днепровского пути.

Литература

1. *Абоба-Плиска 1905* — Абоба-Плиска // Альбом к X тому Известий Русского археологического института в Константинополе. Вена. 1905.
2. *Авдусин 1972* — Авдусин Д. А. Гнездово и Днепровский путь // Новое в археологии. М. 1972.
3. *Андрощук 2001* — Андрощук Ф. А. Гнездово, днепровский путь и финал Бирки // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. № 124. М. 2001.
4. *Андрощук 1999* — Андрощук Ф. О. Нормани і слов'яни у Подесенні. Київ. 1999.
5. *Анохин 1977* — Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1977.
6. *Бліфельд 1977* — Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ. 1977.

7. *Богуславский 1990* — Богуславский О. И. О находках византийских монет в южном Приладожье // Новгород и Новгородская земля. Новгород. 1990.
8. *Богуславский 1993* — Богуславский О. И. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX–XII вв. // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб. 1993.
9. *Богуславский 1995* — Богуславский О. И. Об одной группе древностей Юго-Восточного Приладожья (к проблеме распространения христианства на северо-западе Руси) // Церковная археология. Ч. 1. СПб; Псков. 1995.
10. *Булгаков 2000* — Булгаков В. В. Византийские амфоры IX–XIV вв. // Восточноевропейский археологический журнал. № 4 (5). 2000.
<http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov>
11. *Бутырский 2000* — Бутырский М. Н. Сакральная иконография византийских монет // Нумизматический Альманах. № 4 (15). 2000.
12. *Българите 2004* — Българите и техните съсе през V–X век. Каталог на изложба. Варна. 2004.
13. *Волков 1996* — Волков И. В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 1996.
14. *Волков 2005* — Волков И. В. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. 2005.
15. *Галибин 2001* — Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник. СПб. 2001.
16. *Гуревич, Джанполадян, Малевская 1968* — Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло Древней Руси. Л. 1968.
17. *Дончева-Петкова 2004* — Дончева-Петкова Л. О некоторых типах крестов-энколпионов из Херсона и средневековой Болгарии // Россия — Крым — Балканы: диалог культур. Екатеринбург. 2004.
18. *Древняя Русь 1997* — Древняя Русь. Быт и культура // Археология СССР. М. 1997.
19. *Егорьков 2007* — Егорьков А. Н. Результаты эмиссионно-спектрального анализа фрагментов стеклянных сосудов Рюрикова городища // У истоков русской государственности. СПб. 2007.
20. *Еремеев 2005* — Еремеев И. И. Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги // Археологические вести. № 12. СПб. 2005.
21. *Жарнов 1991* — Жарнов Ю. Э. Женские скандинавские погребения в Гнездово. М. 1991.
22. *Загреба 1998* — Загреба М. Монеты византийского Херсонеса IX–XII ст. // Нумизматика і фалеристика. № 3. 1998.
23. *Залеская 1988* — Залеская В. И. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X–XII вв. // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV–XVI вв. Л. 1988.
24. *Захаров 2004* — Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М. 2004.

25. *Зоценко 2001* — Зоценко В. Н. Гнездово в системе связей Среднего Поднепрорья IX–X вв. // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. вып. 124. М. 2001.
26. *Каргер 1957* — Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л. 1957.
27. *Коваль 2003* — Коваль В. Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М. 2003.
28. *Коваль 2005* — Коваль В. Ю. Византийская керамика на Руси в IX–XV вв. // Русь в IX–XV веках. Взаимодействие севера и Юга. М. 2005.
29. *Комнина 1965* — Комнина А. Алексиада. М. 1965.
30. *Кондаков 1914* — Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. I. СПб. 1914.
31. *Корзухина 1958* — Корзухина Г. Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси // Византийский временник. Вып. 14. М. 1958.
32. *Корзухина 1963* — Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси. // СА. № 4. 1963.
33. *Корзухина, Пескова 2003* — Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб. 2003.
34. *Лебедев 1985* — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985.
35. *Леонтьев 1986* — Леонтьев А. Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. № 183. 1986.
36. *Леонтьев 1998* — Леонтьев А. Е. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований // Историческая археология. Традиции и перспективы. М. 1998.
37. *Литаврин 1999* — Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб. 1999.
38. *Львова 1959* — Львова З. А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела Белой Вежи // МИА. № 75. М. 1959.
39. *Львова 1961* — Львова З. А. Восточноевропейские стекланные украшения VIII–XI вв. Л. 1961.
40. *Макарова 1967* — Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М. 1967.
41. *Медынцева 2000* — Медынцова А. А. Грамотность в Древней Руси. М. 2000.
42. *Михайлов 2005* — Михайлов К. А. Древнерусские элитарные погребения X — начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах) // Афтореферат дис.... канд. ист. наук. СПб. 2005.
43. *Молчанов, Пушкина 2003* — Молчанов А. А., Пушкина Т. А. Новые находки византийских монет на Гнездовском селище // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. СПб. 2003.
44. *Мусин 2002* — Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб. 2002.
45. *Мурашева 2007* — Мурашева В. В. В поисках Гнездовского порта // РА. № 1. 2007.

46. *Мурашева, Авдусина 2007* — Мурашева В. В., Авдусина С. А. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб. 2007.
47. *Мурашева, Ениосова, Фетисов 2007* — Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб. 2007.
48. *Об управлении 1989* — Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. 1989.
49. *ПВЛ* — Повесть Временных Лет. СПб. 1999.
50. *Петрухин 1995* — Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М. 1995.
51. *Плохов 2007* — Плохов А. В., Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности. СПб. 2007.
52. *Пескова 2007* — Пескова А. А. Памятники культового литья балкано-дунайской традиции в древнем Новгороде // У истоков русской государственности. СПб. 2007.
53. *Пушкина 1996* — Пушкина Т. А. Новый Гнездовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике. М. 1996.
54. *Пушкина 1997* — Пушкина Т. А. Воск и свечи в древнерусских погребениях // Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ. № 93. М. 1997.
55. *Путь 1996* — Путь из варяг в греки и из грек... М. 1996.
56. *Сагайдак, Хамайко, Вергун О. И. 2008* — Сагайдак М. А., Хамайко Н. В., Вергун О. И. Новые находки древнерусских игральные фигурки из Киева // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 2. Коростень. 2008.
57. *Сахаров 1980* — Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М. 1980.
58. *Седова 1997* — Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. М. 1997.
59. *Соколова 1983* — Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсонеса. Л. 1983.
60. *Стеблин-Каменский 1997* — Стеблин-Каменский М. И. Корни Игдрасиля. М. 1997.
61. *Сюзюмов 1949* — Сюзюмов М. Я. Книга Эпарха. Уставы византийских цехов X века // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Т. 6. Свердловск. 1949.
62. *Толочко 1990* — Толочко П. П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев. 1990.
63. *Щапова 1991* — Щапова Ю. Л. Византия и Восточная Европа. Направление и характер связей в IX–XII вв. (по находкам из стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир (к XVIII Международному конгрессу византинистов). М. 1991.
64. *Щапова 1997* — Щапова Ю. Л. Украшения из стекла // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. М. 1997.

65. *Щапова 1998* — Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории. М. 1998.
66. *Ширинский 1968* — Ширинский С. С. Курганы полян у с. Седнев // АО-1967. М. 1968.
67. *The Ancient Hungarians 1996* — The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest. 1996.
68. *Barnea 1967a* — Barnea I. Obiecte de cult // Dinogetia. București. 1967.
69. *Barnea 1967b* — Barnea I. Podoabele de metal // Dinogetia. București. 1967.
70. *Comşa 1967* — Comşa E. Podoabele de sticlă // Dinogetia. București. 1967.
71. *Davidson 1952* — Davidson G. R. Corinth. Vol. XII. The minor objects. New Jersey. 1952.
72. *Fife Thousand 1991* — Fife Thousand Years of Glass. London. 1991.
73. *Gábor 2000* — Gábor K. Vas megye 10–12. századi sir- és kincsleletei. Szombathely. 2000.
74. *Henderson, Mango 1995* — Henderson J, Mango M., 1995. Glass at Medieval Constantinople Preliminary Scientific Evidence // Constantinople and its Hinterland. Papers from the Twenty-seventh Spring Symposium of Byzantine Studies, Oxford, April 1993. Variorum 1995.
75. *Liwoch 2007* — Liwoch R. Wielkie kurhany latopisowego Plesniska. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 11. Львів. 2007.
76. *Makt och människor 1990* — Makt och människor I kungens Sigtuna. Sigtuna. 1990.
77. *Pitarakis 2006* — Pitarakis B. Les croix — reliquaries pectorales Byzantines en bronze / Bibliothèque des Cahiers archeologiques. XVI. Paris. 2006.
78. *Radulescu, Gáll 2001* — Radulescu A., Gáll E. Das landnahmezeitliche Gräberfeld von Temesvár (Timișoara)-Csókaerdő // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. 52. Budapest. 2001.
79. *Sedyh 2000* — Sedyh V. Timerevo — un centre proto-urbain sur la grande voie de la Volga // Les centres proto-urbain russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris. 2000.
80. *Noonan 1987* — Noonan T. Monetary history of Kiev in the pre-Mongol period // Harvard Ukrainian studies. Vol. XI. № 3–4. 1987.

BYZANTINE IMPORTS FROM THE FLOOD-LAND AREA OF THE GNEZDOVO SETTLEMENT

V. V. Murasheva, N. P. Dovgalyuk & A. A. Fetisov

The paper analyses finds of Byzantine provenance (coins, amphorae and glazed pottery, objects of glass and non-ferrous metals) from excavations of a well-stratified cultural layer in the flood-land area of the Gnezdovo Settlement which was one of the key points on the trans-European Road “from the Varangians to the Greeks”. The predominant numbers of the artefacts are dated from the middle-second half of the 10th century. Analysis of these finds allows us to distinguish out a particular stage in the development of the trans-European Dnieper route.